

Этнос Фулы Омара Ка

Голландская группа не хотела приезжать к нам из-за расовых предрассудков

НАКОНЕЦ НАШ ГОРОД в рамках второго фестиваля «Другая реальность» посетил проект mWwM, в котором приняли участие одни из самых известных голландских музыкантов, играющих этно-джаз. Сплав различных культур и музыкальных ритмов создал на выступлении атмосферу настоящего праздника. Да что там праздничная атмосфера на концерте — лидер группы, темнокожий представитель кочующего африканского племени Фула Омар Ка, и немецкий флейтист Марк Лоц внесли позитив и мини-пресс-конференции перед концертом в драмтеатре им. А. Пушкина, хотя журналистам разрешили пообщаться с музыкантами лишь двадцать минут.

Несмотря на плохой перевод, многие из присутствующих все же поняли, что пытается выразить каждый из участников. Музыканты извинились, что опоздали на десять минут — не знаю, как других присутствующих, но меня это покорило: не многие из заезжих звезд извиняются перед журналистами, тем более за опоздание. Позицию лидера занял Марк — интеллигентный «очкарик», любитель посмеяться. Омар предпочитал оттаиваться. Только ближе к концу разговора его «прорвало», да так, что трудно было остановить. А нас интересовало, как музыканты встретились, учитывая, что они из разных стран и разных взглядов на жизнь.

— Голландия — маленькая страна, и живем мы в очень маленьком городке, здесь каждый друг друга знает, — рассказал Марк. — Я от знакомых услышал об Омаре, мы встретились, пообщались и поняли, что можем играть вместе. Потом к нам присоединились гитарист и электронщик Рафаэль Ваноди вместе с самым, наверное, лучшим ударником Африки Массоизаде. Так мы и стали играть этнический джаз. Нам легко ладить друг с другом — за нас говорит музыка, а у музыки нет национальности и границ. Поэтому мы и нашли общий язык. Наша музыка импульсивна и пересекается с множеством других стилей — это и африканское, и индийское, и джазовое направления. Джаз делится на множество стилей, и мы

берем у каждого по кусочку, поэтому в наших мелодиях так много сочетаний. К какому виду джаза конкретно относимся? Послушайте наш концерт и решайте сами. Омар, кстати, вовсе и не джазист, а просто музыкант: у него на родине в Африке есть своя группа Omar Ka & Fula Band, где смешаны традиционные и современные инструменты. Что касается нас, то мы используем как этнические — к примеру африканская скрипка, сделанная руками Омара, так и классические — та же флейта или ударные. Очень сожалею, что на сегодняшнем концерте не смогу сыграть на своей большой флейте: она очень неудобна для перевозки.

А почему mWwM не хотели приезжать в Россию? Все из-за расовых предрассудков в некоторых националистических умах. Омар — темнокожий и очень не хотел, чтобы с ним случилось что-нибудь плохое. Но остальные участники проекта все же уговорили его устроить турне по России, хотя их график включает всего четыре города — Москву, Магнитогорск, Челябинск и Санкт-Петербург. Сам Омар придерживается девизов — «За мир во всем мире!» и «Нет — войне!»

После пресс-конференции музыканты любезно разрешили нам поприсутствовать на отстройке

Омар пронзительно и четко запел то ли о своем племени, то ли о мире во всем мире...

инструментов. Переводчица опять что-то недопонимала, и одному из звукорежиссеров волей-неволей пришлось заговорить на английском.

На концерт же пришли и молодые любители этники, и истинные поклонники джаза старшего поколения, например ведущий программы «На самом деле» телекомпании «ТВ-ИН» Александр Власюк.

Музыканты выходили на сцену поочередно, получая от зрителей свою порцию оваций. Больше всех «досталось» Омару. Они действительно оказались и мечтателями, и шаманами в одном лице. Вспомнилось, как Омар очень тихим голосом,

почти шепотом, общался на пресс-конференции, здесь же пронзительно и четко — как свойственно, наверное, только неграм, — запел то ли о своем племени, то ли о мире во всем мире... Марк на своих флейтах добавлял джазовые интонации. Но больше всего зацепило исполнение Афы Массоизада на ударных и перкуссии — вот уж действительно ударник от бога. Если вы видели идущую сейчас по ТВ рекламу, где три барабанщика наяривают на своих инструментах, то это просто цветочки — настоящая ягодка предстала перед зрителями в

драмтеатре имени А. Пушкина. Не удивительно, что во время барабанного соло зал был просто «взорван» голландским представителем Ирана. Француз Рафаэль не только играл на гитаре, но и использовал сэмпелированную примочку. Поэтому некоторые из зрителей признались впоследствии, что подозревали гитариста в том, что он использует фонограмму, не догадываясь, что примочка продолжает воспроизводить одну партию, когда музыкант уже иг-

рает другую. Кстати, Рафаэль сотрудничал с голландцем Тобиасом Кляйном, который в прошлом году, если кто помнит, тоже в рамках фестиваля «Другая реальность», выступал со своим проектом Dalgoo. Очень удивило, что некоторые зрители, не дождавшись хотя бы конца первого отделения, встали и ушли. Но остальная публика продолжала наслаждаться настоящей этникой. Что ни говори, а джаза было мало, но не думаю, что кто-то особо огорчился. Тем более, когда Омар заставил весь зал подпевать его последней композиции, — и молодое, и старшее поколение хлынуло к сцене, чтобы крикнуть: «Спасибо!».

Илья МОСКОВЕЦ.

Детям вход разрешен

«Другая реальность» второй раз ставит «достоевский» вопрос о цене детской слезинки

Кинопроект «Все невидимые дети» в рамках фестиваля «Другая реальность» собрал не более полусотни зрителей, но за время фильма ушли из зала всего две пары.

В детстве это казалось трогательным и не-реальным: кум Тыква из «Чиполлино» жил в конуре и копил годами, чтобы прикупить кирпичики поштучно. Только в страшном сне можно представить, как в людном городе среди бела дня мчится за ребенком зубастый пес — и нет защиты. И лишь в родном селе можно было услышать рассказы взрослых, как они детьми пережили оккупацию. Но их трудно было представить маленькими, а с нами, рожденными после войны, такого случиться не могло. И вот теперь не знаешь, в каком детстве больше слез: в котором были нищета, война, сиротство и недуг или в том, где не повезло.

«Эти невидимые дети» из одноименного проекта потому и «невидимы», что ничем не выделяются в мире, живущем по законам взрослых. Счастье детей, что они способны принять эти законы как должное, не теряя надежды на лучшее. Сотни раз они оказываются на волосок от нравственной и физической гибели, на которую обрекают их взрослые: сомнительный тип скупает у мальчишек краденое, цыган в сердцах разбивает бутылку о голову сына-подростка, поджигатели гражданской войны вооружают пацанов, оскорбленная изменой мать решает свести счеты с жизнью, забрав

дочку с собой на тот свет, родители-наркоманы тратят все на дозу, не замечая, как обделяют дочь: мама за полтора десятилетия замужества даже готовить не научилась. Взрослые так заняты своими «играми», что разучились бояться за детей на дороге и любоваться ими, когда они едят, спят или играют.

Дети беззащитны перед миром взрослых, но не бессильны. Билу и Иоан — дети с бразильской улочки — забудут недавнюю драку со старшими подростками, честно выплатят все штрафы и «налоги» в своем старьевщицком промысле и будут радоваться миру, едва забрезжит надежда немного заработать, купить несколько кирпичей, чуть-чуть набить живот и увидеть интересное. Чирю отобьется от пса молотком, пусть даже обмочится от страха, и резким движением локтя сбросит руку педофила со своего плеча. Он будет по-детски играть с тенью, а жетоны в парке аттракционов потратит на крушение карусели, чтобы понаблюдать, как безмятежно плывут мимо него лошади и зайчики.

За каждым из семи сюжетов заметна рука автора. Нигде в мире не сыщешь таких музыкальных цыган и такого грустного юмора, как у Кустирицы, — чего стоит его первая сцена столкновения свадебной и похоронной процессий и отряда малолеток из соседней зоны, когда невеста под улюлюканье зрителей оказалась лежащей на гробе. «Сонг-Сонг и Котенок» китаянского режиссера Джона Ву, знакомого зри-

телю по «Миссия невыполнима-2», напомним традиции массового искусства — американского, с его очевидным конфликтом и социалистического, с его «два мира — два образа жизни». Напомнит, но не впишется в стереотипы: слишком по-настоящему одиноки две куклы — юная музыкантша из богатого дома и ее нищая ровесница-хромомошк.

Нет смысла разделять фильм на части: он накрепко спаял несколько параллельных реальностей по всему свету. Дети в сюжетах разделены географически: каждый живет, как диктует его территория, будь это каменные джунгли, руины воюющих племен или саванна. Это ничего не меняет: все счастливые дети счастливы по-разному, все несчастные одинаково несчастны. Случайные это совпадения или точно подмеченные художниками черты реальности, когда у разных авторов дети с разных концов света участвуют в кражах из автомобилей, соблюдают те же правила драки, одинаково попрошайничают на рынках и невольно выслушивают одни и те же мерзости из уст родителей? А карандаши — чудесные образы мира и радости — случайно ли дважды оказались «участниками» проекта?

В последнем сюжете старик гибнет под колесами автомобиля, когда спешит поднять карандаш для убогого найденныша: девочка выросла, ей пора в школу. А в первом — двенадцатилетний африканский партизан Танза, наведываясь в родную, разрушенную войной

деревню, проверяет сохранность своих тайников. В одном рогатка — смешная игрушка, не сравнимая по убойной силе с автоматом на его плече, в другом — красивое: бусики, монетки, тонкая связка цветных карандашей. Танза — молчун, мы мало знаем о нем, может только догадываться, чем обезображены пальцы на его ноге: пытками? минной войной? необходимостью жить не переодеваясь и не переобуваясь? Вероятно, Танза учился: знает ответы на все вопросы викторины в школе. На этот раз он пришел в нее в темноте, чтобы оставить взрывное устройство. И — привел в действие механизм, не дожидаясь прихода врага: на наших глазах уронил на него голову, как уставший ребенок.

Он и был уставшим от войны ребенком. Таким же, как Джонатан — персонаж одноименной короткометражки, который несет крест художника — долг рассказать миру о войне. Для него воспоминания о детстве — и спасение, и мука. Ему понятно то, что многим взрослым невдомек: это дети спасают их душу, не давая умереть последнему, что осталось в ней живого. Смех дочери отвлекает мать от мыслей о самоубийстве, другая мать замирает от страха за ворующего ребенка, третья — не может скрыть отчаяния, глядя, как подбирают брошенного ею младенца.

После прошлогоднего «Кино не для всех» «Другая реальность» второй раз ставит пронзительный достоевский вопрос о цене детской слезинки. Как слышен он в остальных реальностях?

Алла КАНЬШИНА.

